КАЖДЫЙ СЛЫШИТ СВОЮ МУЗЫКУ

● У НАС НА ГАСТРОЛЯХ

НЕБОЛЬШОЙ эстонский город Тарту зимой заснежен и уютен. Спросите любого молодого человека, встреченного на его тихих улицах, что есть в Тарту примечательного, и он тут же ответит: в Тарту есть Университет и есть театр «Ванемуине». И Университет и театр имеют свои давние и прекрасные традиции, и у того и у другого — слава, далеко шагнувшая за пределы республики, и тот и другой — центры высокой многолетней культуры, напряженной мысли...

Театр «Ванемуине» создан более ста лет назад. Театр этот уникален: под одной крышей существуют драма, опера, балет, оперетта. И не просто сосуществуют, но творчески, активно проникают друг в друга, наполняют друг друга новым содержанием.

Главный режиссер — директор театра, лауреат Государственной премии СССР, народный артист СССР КААРЕЛ ИРД возглавляет «Ванемуине» с 1940 года. С вопроса о театре этого поколения мы и начали с ним наш разговор.

— Каждое поколение должно иметь и иметь свой театр. Так же как каждое поколение имеет свою литературу. Но это не значит, что литература сегодняшнего поколения отрицает ту, которую мы наследуем из прошлого, например, Шекспира, Толстого, Бальзака, Горького... То же самое и в театре. Театральная культура накопила такие ценности, которые нельзя ликвидировать даже самым новым, самым современным театром. Я приведу пример. Когда в пятидесятых-шестидесятых годах МХАТ бывал на гастролях за границей в показывал спектакли, которые ставили еще Станиславский и Немирович-Данченко, эти представления имели огромный успех. Хотя всем ясно, что состояние этих спектаклей — отнюдь не безупречное. Но, вы знаете, есть архитектурные здания, которые и в развалинах демонстрируют свое величие.

Я на такие спектакли смотрю как на «заповедники» традиции. Подчеркиваю: заповедники, не музеи. Мне очень грустно, что в наши дни свое неповторимое лицо потеряли и МХАТ, и Малый театр. Того отличия, которое существовало между ними всегда, сегодня почти нет. Пришли новые люди, я родился новый театр. Но, я думаю, если новый человек приходит в театр, традиции которого ему не нравятся, ему лучше сюда не приходить, а создавать свой театр. И пусть там, в его новом театре, будут свои традиции, которые потом надо будет хранить так же бережно.

Но, конечно же, рядом с таким «заповедным» театром или даже в нем должен жить современный театр, который делают сегодняшние молодые люди — молодой режиссер с молодыми актерами, тогда только может идти речь о театре поколения...

Тут мы позволим себе ненадолго прервать Каарела Кирилловича, чтобы сказать о том, что в театре «Ванемуине» все точно так и происходит. Тарту — город студенческий. В Университете идет напряженная духовная жизнь. Не будет преувеличением сказать, что на последнюю роль в этих поисках играет молодой «Ване-

муине», его режиссеры, которых знают любители театра далеко за пределами Эстонии: Яан Тооминг, Эвальд Хермакюла. Каждый — со своим миром, со своими проблемами. Они совершенно разные, но объединяет их одно: подлинность исканий, стремление идти только своим путем, энергичность выражения своей театральной и жизненной идеи. А теперь мы снова попросим главного режиссера продолжить свой рассказ:

— По-моему, молодой режиссер не должен ждаться, пока умрут старики и освободят свои места, а должен идти внутри театра группы молодых актеров, не слишком занятых в основном репертуаре, и создавать с ними свой театр. Вспомните, поды так и поступали по МХАТе Вахтангов и Михаил Чехов. Именно так поступил и я в своем театре.

В свое время мы создали студию, куда принимали молодежь, которая работала или училась, причем обязательно стационарно. Когда я ее принимал, предупредил: наша студия — не система подготовки кадров, но средство узнать, что это за дело — театр. А уж если из кого-нибудь вдруг выйдет настоящий артист — я не виноват... Так пришел к нам студент-геолог Эвальд Хермакюла. Университет он закончил, получил диплом, но геологом не стал, а стал одним из ведущих наших актеров. Сейчас он уже заслуженный артист Эстонии и очень интересный режиссер. Один из его спектаклей ленинградцы увидели на нынешних наших гастролях.

Приступая к постановке «Кремлевских курантов», я знал наверняка, что Лепина должен играть тридцатипятилетний Хермакюла. У Эвальда есть особое свойство — он предельно прост, по простота его не от бедности фантазии, а от ее изобилия. Все, что он говорит, умеет делать своим. Такой актер был для этого спектакля необходим.

Но я вскричу к студии. Не все окончившие ее и не сумевшие расстаться со своими основными профессиональными расставались со своей. Некоторые в театре играют по договору.

В старых стенах театра «Ванемуине» («старые стены» — здесь выражено образное,

так как на самом деле новое здание отвечает всем требованиям сегодняшнего театрального комплекса) рождается театр новый. Рождается так, как он и должен рождаться — естественно, свободно и... очень сложно. Помнится, спектакль «Тот, кто получает пощечины» Хермакюла вызвал огромный интерес и бесконечные споры. А на «Нового Нечистого из Пенкля», поставленного Тоомингом по роману Таммсааре, ездили театралы из Москвы и Ленинграда, рассказывая потом об этом спектакле как об одном из самых сильных, ярких театральных впечатлений последнего времени. «Новый Нечистый» свидетельствовал о значительности таланта постановщика, который владеет профессией свободно и просто, чья мысль высока, идея благородна, а уровень театрального мышления говорит о зрелости, редкой для режиссера, которому во времени премьеры исполнилось только тридцать лет. На нынешних гастролях мы увидели другую его постановку — «Полонез-1945», спектакль иного плана, заявляющий о публицистическом голосе режиссера, спектакль точной, ясной мысли и щедрых, ярких постановочных средств.

Спектакли Тооминга, так же как и спектакли Хермакюла, были и есть спектаклями другого театра, не того, чьи принципы исповедует сам Каарел Ирд, но тем не менее молодые режиссеры нашли поддержку и понимание главного, который так мудро и так просто говорит о том, что:

— Всякое новое начинается с отрицания старого. Другого пути рождения нового просто нет. Ведь и Немирович-Данченко, и Станиславский начали с отрицания того, что делал Малый театр. Молодость сначала отрицает, а потом уже утверждает свое. Конечно, первое протест, но без него не будет второго. Молодые режиссеры, начиная с отрицания, могут сначала сделать то, что для нас, старших, будет неприемлемо — и по субъективному, и по объективному принципам. Но — мое твердое мнение — молодые должны иметь право сами убедиться в правильности или неправильности своих позиций, в верности или неверности пути. Иначе дальнейшего развития просто не будет. Я помню, как много противников было у первых постановок и Тооминга, и Хермакюла. Протестовали во имя традиций «Ванемуине», которые якобы разрушались. Но мы отстаили нашу позицию. И вот последние спектакли Тооминга — «Нечистый» и «Полонез» — доказывают, что эксперименты как таковые закончены, эти спектакли — особый сплав, где соединены и реалистические традиции психологического театра, и принципы яркой театральности.

Тарту — город маленький, но театр «Ванемуине» показывает в год 570 спектаклей. Около 150 из них — за пределами Тарту. Каждый сезон выпускают 15 премьер. Вдумайтесь — 15! Каждый вечер

зал заполняют на одну треть студенты и научные работники, на вторую — сельские жители, которые постоянно приезжают сюда из района, остальные — городское население.

— Если в сезон каждая группа зрителей получит хотя бы один спектакль, полностью удовлетворяющий ее духовные требования, то она стертит и простит все другое. Тогда наш сезон мы можем считать удачным. Своего зрителя мы знаем, постоянно изучаем. Начиная с пятидесяти восьмого года мы можем рассказать, какой зритель был на каждом спектакле. Этот огромный материал ждет своего исследователя. Думаю, его хватило бы не на одну докторскую диссертацию... В нашем новом здании два театральных зала: большой — на 700 мест и малый — на 450. Концертный зал на 800 мест и совсем маленький, где проходят спектакли театра одного актера, там может поместиться человек пятьдесят. Бывает так, что одно воскресенье нас посещает четыре тысячи человек.

Формы работы со зрителем у нас самые разные. Трижды в год проводим, например, зрительские балы. У нас есть активисты, которые работают абсолютно бесплатно, но они-то и везут к нам людей из деревни.

На гастроли в Ленинград театр из Тарту привез четыре драмы, два балета, одну оперу и уникальный музыкальный спектакль «Мужские песни» и «Женские песни».

— Постоянное сотрудничество в основном коллективе способствует взаимному влиянию драмы на оперу, балета — на драму. В принципе наш коллектив состоит из драматических актеров, которые не обязаны петь, и из солистов-вокалистов, которые не должны быть драматическими актерами. Но когда мы ставим оперетту, то там играют и те и другие. В принципе каждый должен быть специалистом в своей области, а то, что он делает помимо того, украшает театр и скрашивает жизнь. Поэтому в «Мужских песнях», например, у нас заняты и хор, и солисты, и драматические актеры. Так вот мы и живем, и все, что делается из соображений «маленького города» — а «одна крыша» не от хорошей жизни, — имеет и свои определенные, как вы заметили, положительные стороны...

Вы еще подъезжаете к Тарту, но сразу видите это здание на улице, круто идущее в гору. Здание театра, который сумел на деле стать центром культуры и просветительства. Каждый здесь понимает, что есть что сказать не только ему, но и другу, коллеге, и не беда, если он говорит о другом и по-другому. Каждый слышит свою музыку... Там признают право на эксперимент и на ошибку, на самостоятельность позиции и свой голос. Потому там достигли многого, потому гастроли их в Ленинграде — праздник, радость, повод для размышлений и выводов, потому что все их проблемы — наши проблемы, и то, как они решены в Тарту, во многом могло бы помочь и нам. За то им большое спасибо.

Т. ОТЮГОВА

27 ЯНВ 1978

СМЕНА

г. Ленинград